

К ВОПРОСУ О МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ: неисчерпаемость испаноязычных интерпретаций К*** (*Я помню чудное мгновенье...*)

Т.К. Жорж

Аннотация. Когда речь идет о значимом для донора и реципиента литературном феномене, неизбежно возникает многообразие переводческих вариантов. В статье на основе проведенного сопоставительного анализа переводов на испанский язык стихотворения А.С. Пушкина К*** («Я помню чудное мгновенье...») и произведений классической романтической испаноязычной литературы предпринимается попытка определить причины появления экстраординарного количества (около 20) переводов. Стихотворение вызвало множество переводов вследствие определенной близости традициям испанской и испаноязычной поэзии. Сравнение корпуса лексики испанских и испано-американских романтиков эпохи Пушкина (Х. де Эспронседы, А. Беккера, Х. Гомес Авельянеды и др.) с текстами переводов демонстрирует факт ориентации переводчиков на романтической корпус своей литературы и продолжения изначально обозначенной линии включения поэта в национальный контекст реципиента, обильно представленный видимо аналогичными оригинальными образцами.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, К*** («Я помню чудное мгновенье...»), корпусная лингвистика, переводная множественность, лингвокультура.

366

Для цитирования: Жорж Т.К. К вопросу о множественности переводов: неисчерпаемость испаноязычных интерпретаций К*** (*Я помню чудное мгновенье...*) // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Часть 2. С. 366–384. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-366-384

© Жорж Т.К., 2021



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

TO THE QUESTION OF MULTIPLE TRANSLATIONS:

The Infinity of Hispanic Interpretations

of K*** (*I Remember a Wonderful Moment...*)**T.K. George**

Abstract. *When it comes to a literary phenomenon that is significant for the donor and recipient, a variety of translation options inevitably arise. The article attempts to define the reasons for the emergence of an extraordinary number (about 20) of translations based on a comparative analysis of translations into Spanish of the A.S. Pushkin's poem K*** ("I remember a wonderful moment...") and works of classical romantic Hispanic literature. The poem caused many translations due to a certain proximity to the traditions of Spanish and Spanish-language literature. A comparison of the corpus of vocabulary of Spanish and Spanish-American romantics of the Pushkin era (J. de Espronceda, A. Bécquer, G. Gómez Avellaneda etc.) with translation texts demonstrates the fact of orientation of translators to the romantic corpus of their literature and the continuation of the originally indicated line of inclusion of the poet in the national context of the recipient, abundantly represented apparently by similar original samples.*

Keywords: *A.S. Pushkin, K*** ("I remember a wonderful moment..."), corpus linguistics, translation multiplicity, linguo-culture.*

Cite as: George T.K., To the Question of Multiple Translations: the Infinity of Hispanic Interpretations of K*** (*I Remember a Wonderful Moment...*). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 1, part 2, pp. 366–384. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-366-384

Введение

Оригинальное литературное произведение может существовать в нескольких переводах, т. к. перевод — процесс гипотетически бесконечный в синхронии и диахронии. Уникальность, потенциальная неисчерпаемость оригинала и, как следствие, беспредельность интерпретаций значимого для донора и реципиента оригинального текста позволяет нам говорить о переводной множественности как в синхронии, так и в диахронии.

Перевод нами трактуется как воссоздание целостной системы разнородных и разнонаправленных смыслов, созданных изначально на одном языке

в рамках одной лингвокультуры средствами другой лингвокультуры, таким образом литературный перевод нами анализируется как область диалога несхожих, а во многом и разнонаправленных культурных традиций. В ходе исторического движения этого диалога иноязычный текст не только включается в национальную культуру, но и обогащает ее в виде особого *варианта* мировой культуры. В этой связи литературный перевод рассматривается как национальная форма интерпретации текста, свидетельство процесса самосознания переводящей литературой своей самобытности, путь к созданию национального варианта писателя-

классика (*испаноговорящие* Гораций, Петрарка, Пушкин); при этом немало-важное значение имеют реальные, а не декларируемые способы трансформации в иноязычной переводческой практике.

Мы изучаем корпус испаноязычных переводов стихотворения Пушкина К*** («Я помню чудное мгновенье»). В фокусе прагматики компаративный анализ стихотворения в диахроническом множестве его переводов представляется полезным для выявления лингвокультурологической специфики и может быть рекомендован для включения в программу по лингвокультурологии профилирующих специализаций «Перевод и переводоведение» и «Теория и практика перевода» (45.03.02, 45.04.02) для последующего развития и отработки навыков художественного перевода.

Когда речь идет о значимом для донора и реципиента литературном феномене, неизбежно возникает многообразие переводческих вариантов. Отбор, количество переведенных текстов являются своеобразными индикаторами. Статистика национального перевода показывает не только литературные тенденции страны, но и степень культурной самостоятельности реципиента, а также его открытости к другой культуре. Некоторые авторы неоднократно переводятся в одной, но редко в другой стране. Множественность переводов имеет место при наличии внутренних потребностей культуры-реципиента. Выбор произведения для перевода — это показатель степени когерентности, типологичности в развитии реципиента донору. Поэтому важным оказывается такой параметр, как представленность аналогичного контекста в литературе-реципиенте.

В случае стихотворения Пушкина мы говорим не просто о многочисленных переводах, речь идет о лавине

переводов и продолжении изначально обозначенной линии включения поэта в национальный контекст реципиента, избыливающий оригинальными образцами того же порядка. Стихотворение вызвало множество переводов именно вследствие определенной близости традиции испанской и испаноязычной поэзии.

Контекст фольклорной любовной поэзии

Для понимания причин экстраординарной множественности переводов стихотворения Пушкина К*** («Я помню чудное мгновенье») необходимо обратиться к истокам испанской любовной поэзии.

Отметим, что тема зарождения любви, любовного томления, разлуки и встречи влюбленных, совершенной красоты дамы популярна уже в лирических романах. Сходные мотивы обнаруживает и малая фольклорная форма, которая перебрала все нюансы любовного чувства, состояния влюбленной души. В лирических строфах, маленьких поэмах, сочетающих глубину подтекста с лапидарностью стиля, часто варьируется тема безответный, уходящий, прошедшей любви, любви на расстоянии.

Внимание акцентируется на описании глаз, волос, голоса идеализируемой возлюбленной. Возлюбленная традиционно отождествляется с солнцем, звездой, освещающей темный жизненный путь любящего:

... el lucerito que a mí me alumbraba ... [1]
 ...la luz de tu hermosura / de tus ojos.
 ...que al sol sus rayos quitaba.
 Con la luz de tus ojos
 yo me alumbraba...

Уход возлюбленной порождает грустные раздумья, воспоминания о любви;

сердце покинутого плачет, не в силах забыть чувства:

Dentro de mi pecho
Tengo yo su imagen
Aunque me lleven al fin del mundo
No hay quien me la arranque.

Desde que tú ausentes,
Sol de los soles,
Ni los pájaros cantan,
ni el río corre.
¡Ay amor mío!
Ni los pájaros cantan,
ni corre el río.

Интересно отметить столкновение высоких и низких регистров — религиозных и пародийно-комических мотивов, следствие наличия игрового начала:

Los ángeles en el cielo
adoran a Dios divino,
y nosotros en la tierra
a las mujeres y el vino.

В народных песнях лирическая свобода самовыражения, непосредственность сочетаются с устойчивостью тем, сюжетов, типов героев, лексики. Фольклорные куплеты, очень жизнестойкие, оказали огромное воздействие на испанскую поэзию. Отдельные лексические, синтаксические клише народной поэзии сохраняются и в современной поэзии.

Контекст высокой любовной поэзии

Другая — по времени и стилю — линия развития поэзии, галантная любовная лирика, экспрессивная, эмоциональная, основанная на контрастах, становится одним из самых популярных направлений развития испанской поэзии уже в эпоху Возрождения.

Высокая любовная поэзия Испании риторической эпохи создавалась с

учетом определенных схем, многие из которых восходят к куртуазной поэзии трубадуров, повлиявшей на возникновение, развитие, репертуар тем, стилистических средств итальянской, французской, испанской поэзии.

Говоря об особенностях классической испанской любовной поэзии, отметим, что структура поэтического мира базируется на двух полюсах: поиск — встреча. Возволнованный влюбленный мечтает о возлюбленной. Во время встречи, реальной или воображаемой, влюбленный счастлив, увидев ее или услышав чудесный голос. Встреча равнозначна откровению, встрече с собой, со светом, солнцем, мудростью. Любовь ассоциируется с весной, чистым и ярким светом, озаряющим все кругом. Приход любви — начало новой жизни, пробуждение, восхождение души:

Amor me levantó de frío y muerto,
haciéndome quedar vivo y contento.
<...>

El milagro fue hecho extrañamente;
porque resucitando el mortal velo,
resucitó también la inmortal alma.

Juan Boscán [2]

Любовь неотделима от вдохновения, радости творчества:

Otro tiempo lloré y agora canto:
canto de amor mis bienes sosegados...
Agora el amor empieza un nuevo canto...
¡Oh concierto de amor grande y gozoso...

Juan Boscán

Любовная поэзия, в соответствии с петраркистской моделью, строится на контрастах; контрастно описание душевного состояния до и после прихода любви, любовного томления, описание красоты возлюбленной, сопоставляемой с ее суровым нравом:

Bueno es amar, pues como daña tanto,
gran gusto es querer bien, porque entristece;
placer es desear, como aborrece;
amor es nuestro bien, porque da llanto...

Juan Boscán

...pequeña piedad, gran hermosura,
palabras blandas, condición muy dura,
mirar que alegre, y vista que entristece.

Jorge de Montemayor

...Y mientras más vuestra hermosura crece,
mi vista más padece...

Juan Boscán

Любовь приобретает таинственный мистический ореол: это чудо, дивный божий дар, приближающий душу любящего к сонму бессмертных; она разрушает и создает человека, наполняет его душу смыслом, помогает понять себя и окружающий мир, является ориентиром жизненного пути.

Лирический универсум разделяется на две части: мир влюбленного — мир дамы. Жизнь влюбленного мрачна в отсутствии возлюбленной, чье появление вносят новые цвета, озаряет мир. Образу влюбленного сопутствуют страдания, боль, смерть, возлюбленной — счастье, красота, свет, бессмертие. Традиционно построение лирических произведений на оппозиции: отсутствие/ присутствие, милость/презрение дамы:

Quien tiene en solo vos atesorado
su gozo, y vida alegre, y su consuelo,
su bienaventurada y rica suerte:
cuando de vos se viere desterrado,
¡ay!, ¿qué le quedará si no es recelo,
y noche, y amargor, y llanto, y muerte?

Luis de León

Por sanar de mi dolor
tomo el dolor de ausencia,

porque dicen que, en presencia,
suele encender el amor
el fuego desta dolencia.

Juan Boscán

Поэт ведом единственным светом, струящимся из глаз возлюбленной, стоящей недосыгаемо высоко. Под влиянием идей неоплатонизма поэты обожествляли, идеализировали объект страсти, рисуя образец превосходства и абсолютной гармонии. Образ дамы пунктирен, неясно очерчен. Акцент делается на описании *ясных, чистых, прекрасных глаз* — ojos claros, vista pura, excelente; *мудрого, нежного, дивного* голоса — sabio acento, dulce habla, voz divina; волосах, сравниваемых с золотом.

Поэт, восхваляя красоту возлюбленной, представляет набор риторических приемов, постоянных эпитетов, признаков и сравнений, многие из которых восходят к античной поэзии, лирике трубадуров. Традиционные образы света в ночи, сопоставление дамы с небесными светилами звездой, луной, солнцем, зарей:

¿Quién es la que rayos son
sus dos ojos fulminantes...

Una que, de negro, hacía
fuerte competencia al Sol,
y al horizonte español
entre ébano amanecía.

Una noche, horror del día,
pues, de negro, luz le daba,
y él eclipsado quedaba;
un borrón de la luz pura
del Sol, pues con su hermosura
sus puras líneas borraba.

Lope de Vega

Часто предлагается не видимый облик возлюбленной, но реакция на него влюбленного:

En este claro sol, que resplandece,
 en esta perfección sobre natura...
 hay luz que ciega, rostro que enmudece...

Jorge de Montemayor

Любовная тема неизменно связана с утратой, потерей или презрением возлюбленной, влекущими вечный плач, грустное одиночество, обрекающими на тяжкую опостылевшую жизнь: влюбленный скорбит, покинутый, бесприютный, ослепший без света любви во мрачной темнице, храня в сердце сладкий огонь. Уход возлюбленной подобен заходу солнца, освещавшему землю, позволявшему видеть все вокруг в истинном свете. Мотив любви-сна, миража, популярный в эпоху Возрождения, приобретает доминирующее значение в эпоху барокко, романтизма. Отчаявшийся влюбленный приходит к неверию в возможность счастья, видит в любви лишь эфемерные мираж, пустую мечту, сон:

El amor me engaña...
 dulce soñar y dulce congojarme
 Cuando estaba soñando que soñaba.
 Dulce gozar con lo que me engañaba...
 si un poco más durara el engaño...

Juan Boscán

Любовная поэзия риторической эпохи также характеризуется устойчивостью, постоянством сюжетов, типов героев, лексики. Более частотная лексика, отражающая основные сюжетные схемы, сохраняется и в современной любовной поэзии.

Романтический контекст

Стихотворение Пушкина К*** («Я помню чудное мгновенье») вызвало множество переводов вследствие определенной близости принципам испанской (и, шире, испаноязычной) поэзии.

Критики, переводчики изначально усматривают черты явного сходства стихотворения с испанской и, шире, европейской романтической традициями — структура стихотворения, система образов, тип героев, стилистические средства, контрастность, двухполюсность: образ влюбленного — образ дамы (идеально-абстрактной), мотив видения, концепт неотделимости любви от пробуждения к новой жизни, ощущения полноты бытия. Поэтому Пушкин как бы изначально примеривается к испанским поэтам-романтикам, среди которых отыскивается тот, с кем русский поэт имеет наибольшее количество точек соприкосновения. Такими поэтами и писателями становятся, прежде всего, Хосе де Эспронседа и Густаво Адольфо Беккер.

Стихотворение Пушкина соотносится с самыми проникновенными романтическими творениями — *Песней Терезе* (El diablo mundo, 1841) Х. де Эспронседы и *Лунным лучом* (1862) А. Беккера. Нами был проведен опрос двадцати двух носителей испанского языка с высшим гуманитарным образованием. Говоря об ассоциациях, вызываемых стихотворением Пушкина (в переводах), респонденты отметили эти произведения, выделяя характерную, чисто романтическую атмосферу и соответствующие ей сюжет, образы, эпитеты К*** («Я помню чудное мгновенье»); сравним стихотворение с фрагментом *Песни* (полужирным шрифтом выделяем лексемы традиционного романтического корпуса, имеющие очевидные интертекстуальные переключки со стихотворением Пушкина):

¡Una mujer! En el **templado rayo**
 De la **mágica luna** se colora,
 Del sol poniente al lánguido desmayo

Lejos entre las nubes se evapora;
Sobre las cumbres que florece Mayo
Brilla fugaz al despuntar la aurora,
Cruza tal vez por entre el bosque **umbrío,**
Juega en las aguas del sereno río [3].

Мотив *видения* очень распространен в испанской высокой поэзии. Популярное с времен эпохи барокко сопряжение *visión — ilusión* стало знаком романтической поэзии. Показателен в этом отношении лейтмотив *visión* в стихотворении *A Él* (“*En la aurora lisonjera*”) испано-кубинской писательницы и поэтессы Х. Гомес де Авельянеды (1814–1873), в котором в соответствии с традиционной романтической структурой (предчувствие любви — видение — воспоминания) и лексикой описывается эмоциональное состояние влюбленной души, которой явилось видение (нами выделяются лексемы романтического корпуса):

<...>Y **trémula, palpitante,**
en mi **delirio extasiada,**
miré una **visión brillante,**
como el **aire perfumada,**
como las **nubes flotante.**

Ante mi **resplandecía**
como un astro brillador,
y mi **loca fantasía**
al **fantasma seductor**
tributaba idolatría.

<...>

¿Qué **ser extraño** era aquel?
¿era un **ángel** o era un hombre?
¿era **dios** o era **Luzbel**...?

¿mi **visión** no tiene nombre?
¡ahí, nombre tiene... ¡era **Él!**

<...>

Del **genio la aureola, radiante, sublime,**
ciñendo contemplo tu **pálida sien,**
y al verte, **mi pecho palpita y se oprime...** [4]

Многие поэты в эпоху романтизма создают адресованные объекту страсти элегии-воспоминания с аналогичной схемой развития. Сравнение со стихотворением Антонио Гарсии Гутьерреса (1813–1884) *А.С.М.* (1840) наглядно демонстрирует типологию феномена и разницу между конкретными стилями (русского поэта и испанской романтической поэзии, тесно связанной с барокко). Испанский поэт, опираясь на традиционный корпус любовной лексики, разрабатывает неизменную романтическую схему: мрачное одиночество, приход любви, что равноценно началу новой жизни: «Жизнь, в тягостной усталости в глухих потемках...зачерствевшее, бесстрастное, пресытившееся сердце... душа просыпается ото сна, но, не видя света, вновь погружается во мрак дремоты... ей не хватает света чувства, любви... Так в холодных проклятиях Луны и Солнца проходят прекрасные дни молодости... Приход любви, явление возлюбленной, ставшей ангелом надежды, освобождает истерзанную гибнущую душу, которая возрождается, свежая и счастливая, вновь мечтая и веря в радость и счастье, к новому бытию»¹. В тексте выделяем лексемы романтического корпуса, привносящие барочную стилистику и заостряющие контрастность в изображении душевного состояния до и после прихода любви. Лирический герой восклицает (в соответствии с романтическими канонами):

Надежды! Любовь! Цветы души!
Вернитесь, неся чистую надежду;
и вновь оживите, и успокойте
мое беспокойное увядшее сердце².

Выраженность интертекстуальной переклички *А.С.М.* со стихотворением

² Перевод наш – Т.Ж.

¹ Era C *** un tiempo en que mi vida
Con **penoso cansancio se arrastró**,
Y por su misma **inercia entumecida**
En **tenebrosa obscuridad** vivió.

El **yerto pecho de pasión vació**,
Seco del llanto el hondo manantial,
Pasé mi vida de **indolente hastío**
En esa calma al corazón **fatal**.

Mil veces de este **sueño perezoso**
Avergonzada el alma despertó,
Más ahogada en su centro **tenebroso**
Sin luz ni ambiente a dormirar volvió.

Faltábale **la luz del sentimiento**,
faltábale el ambiente del amor,
y en la **dura prisión de su tormento**,
la paz del sueño prefirió al dolor.

Así pasaron los hermosos días
Que ornaron mi primera juventud,
Llena la mente de **ilusiones frías**
Negando el sentimiento y la virtud.

Y así **maldije el sol** que iluminaba
De otros hombres felices el placer,
Y **maldije la luna** que alumbraba,
La **indolente vergüenza** de mi ser.

Y en mis **delirios, insensato, impío**
Del Dios de los destinos blasfemé;
Pero tu amor calmó mi desvarío
Y tú fuiste el **ángel de mi fe**.

Ya no maldigo el sol: ya de la luna
Me agrada ver el lívido fulgor,
Sin que acose mis sueños, importuna,
Sombra fatal de ceño aterrador.

Me siento **renacer** y en otra vida
Sembrada de **ilusiones de placer**,
Ya **se dilata** el alma adormecida,
Fresca y gozosa con su nuevo ser.

Y fuiste tú la que a mi pecho triste
Hizo el contento por mi bien tornar
Y un **alma desgarrada redimiste**
Que iba la muerte en su **tormento** a hallar.

¡Esperanzas! ¡Amor! ¡Flores del alma!

Volved con vuestra **cándida ilusión**;

Y otra vez inundad de vida y calma

Mi **agitado y marchito corazón** [5, c. 38].

Пушкина очевидна; принимая во внимание дату создания и факт не просто владения Гарсией Гутьерресом французским языком (как известно, сыгравшим роль посредника в русско-испанском переводе), но и осуществления им переводов с французского, представляется возможным говорить о (частичном) парафразе произведения русского поэта (во времена доминирования позиции *непереводимости* лирики А.С. Пушкина).

Романтический корпус

Такова ситуация в развитии любовной поэзии, в которую попадает стихотворение Пушкина. Ввиду свойственного

испанской литературе традиционализма [6, с. 66], постоянного возвращения к классическим темам, переосмысления традиционных мотивов, что особенно проявляется в поэзии XX века, мы можем выделить (на основе вышеуказанных произведений Х. де Эспронседы и А. Беккера [7]) корпусы значимых для романтизма тематических полей.

Тематическое поле «обретение возлюбленной»:

- alegría; ansia (ardiente), ansiedad, ansioso; amor (inefable), enamorado; encanto, esperanza; impaciencia; deseo; juventud; ventura; dulzura, dulce (canto, ruiseñor, voz, anhelo, goce, esperanza); deleite, delicia, delicioso; ternura; caricia;

dicha, dichoso; feliz; placentero; ardiente (el corazón);

- suave/ suavísimo; hermosura, hermoso (mundo); beldad, belleza; galanura; rosa (temprana); flor (delicada); armonioso (acento);

- embriaguez, delirio, éxtasis, extático, magia, sueño, ensueño, imagen ilusoria, ilusión, fantasía (inocente, rica), mentida ilusión de la esperanza, imagen peregrina, brillo fugaz, eco;

- celebrar, inspirar, exaltar, adorar, soñar, encender el alma/ el espíritu/ anhelo, iluminar, destellar, sonreír;

- pureza, puro/ purísimo (amor, sentimiento, fe, alma, nieve), sentimiento (misterioso, santo, noble), cristalina esfera, santa (diosa, santa), sacra ninfa, luz (querida), blanco lucero, angélica, ángel (de luz, caído), alas (de amor), tersa frente, cielo, celestial ternura, divino (ilusión divina), voz secreta, desprendida estrella, Edén, argentada raya, el templado rayo de la mágica luna, vuelo, remontarse al cielo, gloria, esplendor, canto, músicas sonoras, esperanza de futura gloria; aurora, aura, sol, Mayo, nube; cándido, blanco, azul.

Тематическое поле «потеря возлюбленной»:

- solo, perdido, solitario, vago, cruel (el mundo);

- umbrío, desierto, tormenta, eterno manantial de llanto, desconsuelo, lágrimas, amargura, tristeza (amarga), triste (soledad, recuerdos/ memorias del placer/ cielo perdido/ fantástica quimera), alma alborotada, corazón (herido, desesperado, desierto, árido, sin ilusiones), agonía (histerica), gemido (de amargura), quebranto, pena (penoso), duelo eterno, dolor oculto / profundo, infierno, oscuridad, tumba, memoria, los pesares (intensos), punzante frío, ausencia, impetuoso torbellino, penas, tormento, suspiros angustiosos, infernal tortura, nudos dolorosos, olvido,

muerte, recuerdo de amor que nunca muere, lastimero quejido, aislamiento, bullicio/ ruido del mundo;

- llorar, lamentar la desaparición de las horas de “juventud, amor y ventura”, buscar en vano, perder el celestial encanto, azotar con violenta cólera.

Переводная множественность

Стихотворение А.С. Пушкина существует в испаноязычных лингвокультурах в многочисленных конкурирующих переводах с нередкими заимствованиями / совпадениями. Нами были рассмотрены 16 и отобраны для анализа 13 переводов стихотворения, охватывающие период 75 лет (Fiódor Kelin, César Arconada [8]; Samuel Feijóo, Nina Bulgáková [9]; María Francisca de Castro Gil [10]; César Astor [11]; César Astor, Ignacio Brey [12]; Farid Fernández Fasla [13]; Alonso Eduardo Luengo [14]; Víctor Toledo [15]; Víctor Gallego Balletero [16]; Alfredo Caballero Rodríguez [17]; Cristina Casals [18]; Mario A. Buela [19]³). Представляется интересным и включается в анализ один (из найденных четырех) анонимный перевод [20]⁴. В приводимых текстах полужирным шрифтом выделена лексика традиционного романтического корпуса и тоном — лексика, способствующая завышению стилистического регистра оригинала. Как видно из переводов, основная их направленность — усиление свойственной стихотворению Пушкина контрастности. Привносятся красочные метафорические определения: *милые черты* превращаются в *лик прекрасный, как весна / любимый лик* (rostro de Abril/ amada faz), нежный голос — в небесный (celestial) голос. Обожествление достигается сопоставлением дамы (el genio inmortal) со светилами и введением сакральной лексики: лучезарная

A.P. Kern

³ Yo bien **recuerdo** aquel **divino instante**:
Frente a mi apareciste en tu **pureza**
Como **fugaz visión de la luz brillante**,
Como el **genio inmortal de la belleza**.

En las **ansias de la tristeza eterna**
Como en la **vanidad** de los empeños,
Me sonó largo tiempo tu **voz tierna**,
Y tu **rostro de abril** veía en **sueños**.

Y pasaron los años. Y con ellos el viento
Disipó las **antiguas ilusiones**.
Yo **olvidé** tu **voz tierna** y el **portento**
Querido y celestial de tus facciones.

A K...

Me acuerdo de un **instante misterioso**.
Ante mí apareciste
Como **visión efímera**,
Como un **genio de la belleza pura**.

Entre las **angustias de la nostalgia**
desesperada,
Entre las inquietudes de una ruidosa
vanidad,
Aún escuchaba tus **acentos tiernos**,
Aún **ensoñaba** tu **visión querida**.

Pasaron años. El **golpe de las tormentas**
Barrió aquel tiempo del **antiguo sueño**;
Olvidé tu **acento tierno**,
Tus facciones celestes.

A Ana Kern

Recuerdo aquel **maravilloso instante**:
te encuentras a mi lado
como una **fugitiva aparición**,
como el **genio que encarna la belleza**.

Entre el **tormento**
de un **corazón sin esperanzas**
y las **ansias de locas vanidades**
escuché largamente tu **voz dulce**
y **he soñado** tus **rasgos, tan queridos**.

Los años han huido. Las **tormentas**
dispararon los sueños del pasado,
y **me olvidé** de tu **voz dulce**,
y **me olvidé** de tus **celestes rasgos**.

En **exilio** pasaba **la confusa**
Lentitud de mis días **de dolor**,
Sin **Dios**, ni **inspiración**, ni **dulce Musa**;
Sin **lágrimas**, sin **vida**, sin **amor**.

Y al alma volvió entonces un **despertar**
amanecer.
De nuevo tu surgiste **delante mi tristeza**,
Como **fugaz visión de la luz brillante**
Como el **genio inmortal de belleza**.

Y una **embriaguez** el corazón acusa.
Para él surge de nuevo **con calor**
Inspiración, y **Dios**, y **dulce Musa**;
Las **lágrimas**, la **vida** y el **amor** [8].

En el **destierro de oscuras prisiones**
Se arrastraban serenos mis días
Sin **diosa** ni **inspiración**,
Sin **lágrimas**, sin **vida**, sin **amor**.

Pero al **alma** llegó un **amanecer**;
He aquí: de nuevo surges,
Como **visión efímera**,
Como un **genio de la belleza pura**.

Late mi **corazón** en vivo **hechizo**;
Otra vez para él **resucitaron**
La diosa y la inspiración
Y la vida y las lágrimas y Amor [9].

Entre las **sombras del exilio**
mis días han pasado **silenciosos**,
sin dioses ni entusiasmado,
sin lágrimas, sin **vida**, sin **amor**.

Mi corazón **ha despertado**:
ante mí estás de nuevo
como una **fugitiva aparición**,
como el genio que encarna la belleza.

Embriagado palpita el **corazón**
y de nuevo **renacen** para él
los dioses y entusiasmos,
las lágrimas, la **vida** y el **amor** [10].

Recuerdo un delicioso instante:
Cual una **efímera visión**,
Apareciste tú, **radiante**,
Y **hermosa como la ilusión**.

Sumido en **penas y amargura**,
Entre el **bullicio mundanal**,
Soñaba yo en tu **imagen pura**,
Tu **voz oía, celestial**.

La **vida, tormentosa y dura**,
Mis **sueños** dispó, **fatal**,
Y así **olvide** tu **imagen pura**,
Tu **voz tan dulce, celestial**.

Recuerdo un milagroso instante:
Cual una **efímera visión**,
Apareciste tú, **radiante**
Y **hermosa como la ilusión**.

En las **angustias y amargura**,
En el bullicio mundanal,
Soñaba con tu **imagen pura**,
Tu **voz se oía celestial**.

Una **tormenta, en su locura**,
Mis **sueños** dispó al final.
Y así **olvidé** tu **imagen pura**,
Tu **voz de acento celestial**.

Recuerdo aquel **maravilloso instante:**
Te apareciste ante mí,
Como una **visión efímera**,
Como un **genio de pura hermosura**.

En el **tormento, tristeza sin esperanza**,
En la angustia, tumultuosa agitación,
Resonó largo tiempo tu **dulce voz**
Y **soñé** con un **semblante querido**.

Pasaron los años. Una **rebelde ráfaga**
de temporal
Dispó los viejos **ensueños**,
Y **olvidé** tu **dulce voz**,
Y tu **cara celestial**.

En mi **destierro**, cada día
Penaba, lleno de dolor;
Sin Dios, sin vida me afligía,
Sin esto, lágrimas ni amor.

Mi **alma despertó, vibrante:**
De nuevo, cual **fugaz visión**,
Apareciste tú, **radiante**
Y **hermosa como la ilusión**.

Y mi **excitado corazón**
De nuevo **late con fervor**,
Pues tiene **vida, inspiración,**
Dios, esto, lágrimas y amor [11].

En mi **destierro**, cada día
Penaba, lleno de dolor;
Sin Dios, sin vida me afligía,
Sin esto, lágrimas ni amor.

Mi alma despertó vibrante:
De nuevo, cual **fugaz visión**,
Apareciste tú, **radiante**
Y **hermosa como la ilusión**.

Y ahora el **corazón cantante**
De nuevo **late con fervor**,
Pues tiene **vida palpitante,**
Dios, esto, lágrimas y amor [12].

En algún sitio perdido, **recluido en tinieblas**
Se alargan **silenciosamente** mis días
Sin **divinidad, sin inspiración,**
Sin **lágrimas, sin vida, sin amor.**

Mi **alma** comenzó a **despertar:**
He aquí que tú apareciste de nuevo,
Como una **visión efímera**,
Como un **genio de pura hermosura**.

Y el corazón **late deliciosamente,**
Y él de nuevo **resucitó,**
Y **divinidad, e inspiración.**
Y **vida, y lágrimas, y amor** [13].

A... (Kern)*

Recuerdo aquel **instante prodigioso**
en el que apareciste frente a mí,
lo mismo que una **efímera visión**
igual que un **genio de belleza pura**.

En mi **languidecer sin esperanza**,
en las **zozobras del ruidoso afán**,
tu **tierna voz** se oyó en mi largo tiempo
y **soñaba** con tus **divinos rasgos**.

Transcurrieron los años. La **agitada**
tormenta dispersó los viejos sueños
y al **olvido entregué tu tierna voz**
así como tus **rasgos celestiales**.

A K...

Recuerdo aquel **mágico instante**:
Apareciste frente a mí
Como **visión fugaz**
Cual genio de la belleza pura.

En la **angustia opresora de la desesperanza**
En la **zozobra del trajín escandaloso**
Largo tiempo resonó tu **dulce voz**
Y **soñé tus líneas armoniosas**.

Pasaban los años. **Tormenta de rebeldes**
Temporales los **sueños** ahuyentó
Y **olvidé tu cariñosa voz**
Tus líneas celestiales.

A ***

Recuerdo el **mágico instante**:
Apareciste ante mí,
Como una **fugaz visión**,
Como un **genio de sublime belleza**.

En los **tormentos de la desesperada tristeza**,
En las **zozobras de la ruidosa vanidad**,
Resonaba la **ternura de tu voz**
Y el **sueño** de tus **caros rasgos** me mostraba.

Los años pasaron. El **ímpetu rebelde**
de las tormentas
Dispersó mis antiguos sueños,
Y **olvidé la ternura de tu voz**,
Tus **sublimes rasgos**.

En **cautiverio oscuro y tenebroso**
mis días en **silencio se arrastraban**,
sin la **deidad** y sin la **inspiración**,
sin lágrimas, sin vida, sin amor.

Mas ahora que el **despertar** llegó a mi **alma**,
y de nuevo apareces ante mí,
lo mismo que una **efímera visión**
igual que un **genio de belleza pura**.

Y el corazón me **late arrebatado**
porque en él nuevamente **resucitan**
La **inspiración y la divinidad**
y la **vida, y el llanto y el amor** [14].

En la **espesura lóbrega de la prisión**
Mis **días silenciosos** se estiraban
Sin la **divinidad o inspiración**
Sin lágrimas, sin vida, sin amor.

El **alma** un día **se despertó**:
Y otra vez apareciste tú
Como **visión fugaz**
Cual genio más puro de belleza.

Pulsa encantado el corazón
Para él nacieron otra vez
Divinidad e inspiración
Y **vida y lágrimas y amor** [15].

En la **soledad y negrura del confinamiento**
Mis días **se arrastraban en silencio**,
Ya sin **inspiración y sin fe**,
Sin lágrimas, sin vida, sin amor.

Mi **alma despertó** de nuevo:
Y otra vez apareciste tú,
Como una **fugaz visión**,
Como un **genio de sublime belleza**.

Y **late embriagado el corazón**,
Y **resurgen** de nuevo para él
La **inspiración y la fe**,
La **vida, las lágrimas y el amor** [16].

A ***

Recuerdo aquel **sublime instante:**
cual una **efímera visión**
apareciste tú, **radiante,**
puro ideal de mi ilusión.

Entre **congojas, desolado,**
en el **bullicio** y el bregar,
tu **tierna voz** oí **extasiado,**
tu **amada faz** creí **soñar.**

Pasaron años. **Inclemente,**
nos separó **furioso temporal;**
y **fui olvidando** lentamente
tu **tierna voz, tu rostro celestial.**

Recuerdo el **maravilloso instante:**
apareciste ante mí como una **visión fugaz,**
como un genio de belleza pura.

En la **angustia de la triste desesperación,**
en la **alarma de la estrepitosa agitación,**
sonó largamente una **voz suave**
y aparecieron tus **dulces rasgos.**

Pasaron los años. Una **tempestad**
de agitados arrebatos
dispersó los sueños del pasado,
y **olvidé tu suave voz**
y tus **rasgos celestiales.**

Para K...

Recuerdo el **mágico instante:**
En que apareciste ante mí,
Como una **visión errante,**
Como genio de pura belleza.

En la **angustia de la pena sin esperanza,**
En las **zozobras de la ruidosa**
mundanidad,
Tu **dulce voz** resonaba en mí pegadiza,
Y en el **sueño** evocaba las **facciones amadas.**

Los años pasaron entre **agitadas ráfagas**
Disipando las **ilusiones** pasadas,
Olvidé de tu voz la dulzura
Y tus **rasgos celestiales.**

Sumido en el **silencio, cruel castigo,**
mis días transcurrían **sin vigor,**
sin **dulce inspiración** –¡es **Dios testigo!** –
sin vida, lágrimas ni amor.

Mas hoy mi **alma ha renacido:**
cual una **mística visión**
de nuevo tú has aparecido,
puro ideal de mi ilusión.

Y **late** el corazón, **enardecido,**
a penas y amarguras, digo adiós:
la **inspiración contigo ha resurgido,**
renacen lágrimas, vida, amor...¡y Dios! [17]

En la **espesura, en la oscuridad**
de la reclusión,
pasaban lentamente mis días,
sin misticismo, sin inspiración,
sin vida, sin amor.

Pero **mi alma** comenzó a **despertar,**
y de nuevo apareciste tú,
como una **visión fugaz,**
como un genio de belleza pura.

Y mi **corazón late extasiado,**
y para él **resucitaron** de nuevo
el **misticismo, la inspiración,**
la vida, las lágrimas y el amor [18].

Aislado, en tinieblas preso y confinado
Pasaban mis días en **silencio,**
Sin deidad, sin inspiración,
Sin lágrimas, sin vida, sin amor.

Cuando **el alma** comenzaba a **renacer:**
He aquí que apareciste tú,
Como una **visión seductora**
Como **genio de pura belleza.**

Y **extasiado palpita** el corazón,
Y **reviven** de nuevo en él
La **divinidad, la inspiración,**
La vida, las lágrimas y el amor [19].

Dedicado a ***K

4 **Recuerdo** bien aquel **mágico instante**:
Frente a mi apareciste **radiante**,
Como una **efímera visión**,
Como un genio de belleza pura.

Fatigado por una desesperada tristeza,
Sofocado por el bullicio del mundo,
Tu **dulce voz** en mí sonó por largo tiempo,
Y en mis **sueños** veía tu **rostro divino**.

Pasaron los años. La **violenta tormenta**
Del destino **arrasó mis viejos sueños**,
Y **olvidé** tu **dulce voz**, y se perdieron
Para mí **tus suaves rasgos celestiales**.

En la **soledad de sombría reclusión**
Pasaban mis días silenciosamente,
Sin una deidad, sin inspiración,
Sin lágrimas, sin vida, sin amor.

Llegó a mi **alma** un nuevo **despertar**
Y nuevamente apareciste tú,
Como una **efímera visión**,
Como un genio de belleza pura.

Mi **corazón torna ebrio a latir**,
Y siento que **renacen** en él
La **deidad, la inspiración**,
Vida, lágrimas y amor [20].

(radiante), сверкающий свет (luz brillante); божественный (divino), чистый, совершенный (puro) и т. д. Параллельно подчеркивается трагедийность и эфемерность жизни (*жизнь-сон*) в отсутствии *видения* и мистицизм *видения* (mística/ efímera visión, visión errante, el misticismo, misterio, prodigio). Мотив *пробуждения к новой жизни*, широко распространенный в Испании со времен Возрождения, в переводах также хранит память романтической условности. Так очерчивается романтическое двоимирие. В более отдаленных во временном отношении переводах сильнее звучит *романтический голос* самого переводчика, есть даже добавления *от себя*: истолковываются, поясняются отдельные фразы оригинала, расставляются акценты:

...y he soñado tus rasgos, **tan queridos**...
(M.F. de Castro Gil)
...vida, inspiración,
Dios, **estro**, lágrimas y amor. (C. Astor)

Если сделать структурную разбивку строф с точки зрения лексического корпуса, то становится очевидным,

что испаноязычные переводчики *K**** «Я помню чудное мгновение» имели в виду эту драматическую основу *своих* романтических произведений:

1 строфа (первая встреча-видение):

- (recuerdo): aquel instante (prodigioso/ sublime/ mágico/ delicioso/ milagroso/ divino/ maravilloso/ misterioso);
- (como): una visión/ aparición (efímera /errante/ fugaz/ fugitiva, de la luz brillante);
- (como): ilusión/ genio/ ideal; inmortal, radiante, de belleza, sublime, puro, de pura hermosura, que encarna la belleza, en tu pureza.

2 строфа (воспоминания о видении): (жизнь):

languidecer, penas, fatiga, tormento, angustia (de la pena/ triste desesperación/ opresora), amargura, nostalgia (tristeza) desesperada, desesperanza (sin esperanza), ansias (inquietudes) de la tristeza eterna (loca/ ruidosa vanidad), alarma de la estrepitosa (tumultuosa) agitación, congojas, zozobras, sofoco, ruidoso afán (ruidosa mundanidad/ vanidad), bullicio (mundanal),

bregar, trajín escandaloso, vanidad de los empeños;

(видение):

- (oía tu voz): tierna /dulce (pegadiza)/ celestial.

- (soñaba con): rostro (divino) de abril/amada faz/ divinos rasgos (dulces, caros, tan queridos) / facciones amadas/ semblante querido/ líneas armoniosas/ imagen pura/ visión querida.

3 строфа (жестокость жизни — забвение видения):

- viento, tormenta, ráfaga, tempestad, temporal (agitado, violento, en su locura, rebelde, furioso); golpe/ arrebatos /ímpetu rebelde (de las tormentas); tormentosa y dura (la vida);

- dispersar/ disipar/ ahuyentar/ barrer/ arrasar (viejos/antiguos sueños/ensueños (del pasado), ilusiones (antiguas, pasadas); separar;

- (olvidar): dulce (suave /tierna/ cariñosa) voz (ternura de la voz/ acento tierno); rostro/ cara celestial (portento querido/ (dulzura de) rasgos/facciones suaves/ sublimes/ celestes/ (líneas) celestiales), imagen pura.

4 строфа (вдали от видения):

- cautiverio, exilio, destierro, algún sitio perdido, reclusión, silencio, castigo, prisión, espesura, oscuridad, tinieblas, sombras, soledad, negrura, confinamiento (cruel, oscuro, tenebroso, lóbrego, sombrío);

- (yo): aislado, preso, confinado, recluso (en tinieblas);

- (días): se arrastraban, se estiraban, se alargaban, transcurrían, pasaban (en silencio, sin vigor); (él) penaba (lleno de dolor);

- (sin): deidad/ divinidad/ fe/ misticismo; inspiración/ estro/ entusiasmado/ dulce Musa; lágrimas/ llanto; vida; amor.

5 строфа (пробуждение — вторая встреча):

- (mi alma): se despierta (vibrante), llega el despertar (amanecer) / ha renacido (comienza a renacer)

- (como): visión (fugaz, mística, efímera, seductora, radiante, de la luz brillante) /fugitiva aparición

- (como): genio (inmortal, puro, de pura hermosura/ belleza (pura, sublime); ideal; ilusión.

6 строфа (воскрешение):

- (corazón): late/ palpita/ pulsa; arrebatado/ enardecido/ extasiado/ encantado/ excitado/ cantante / embriagado; con fervor, embriaguez; en vivo hechizo;

- renacen, resucitan, surge, resurgen;

- inspiración/ estro/ entusiasmos; Dios/ dioses/ diosa /divinidad; vida (palpitante); lágrimas/ llanto; amor.

С точки зрения количественной в переводах наиболее частотны следующие лексемы (входящие в корпус романтической поэзии):

- vida — 28

- amor — 26

- aparecer (aparición) — 25

- visión — 25 (efímera 11, fugaz —10, mística, errante, seductora, querida)

- voz — 24 (dulce 10, tierna 8, celestial 4)

- lágrimas — 24

- inspiración — 21

- puro/ pura/ pureza — 21

- genio — 20

- dios/ diosa/ dioses — 12; + deidad — 4

- corazón — 15

- celestial/ celeste — 14

- dulce / dulzura — 14

- instante — 13 (maravilloso 4, mágico 3, prodigioso, sublime, delicioso, milagroso, divino, misterioso)

- recordar (recuerdo) — 12

- alma — 12

- efímero — 11
- tormento/ tormenta — 11
- fugaz — 10
- divino/ divinidad — 9
- latir — 9
- silencio — 8
- ilusión — 8
- hermoso/ hermosura — 6
- radiante — 6
- oscuro, oscuridad — 6

Сравнительный анализ наиболее частотной лексики переводов и испанского романтического корпуса показывает высокий процент совпадения (70–84%), из чего можно заключить, что корпус рассматриваемых переводов являет пример *включения* стихотворения в романтический контекст.

Разнонаправленность интенций переводов оригиналу

В отличие от Пушкина, в испанской поэзии и прозе находят наиболее полное выражение романтическое двоемирие, пессимистическая концепция любви: реализация мечты — путь не к гармонии, но к ее гибели, любовь — самое высокая иллюзия, а потому тем тяжелее расставание. Пушкину же, как известно, свойствен не контраст, но синтез несовместимого. Русский поэт утверждал идеал гармоничности жизни, в которой несовершенное, будничное не уничтожает прекрасное. Оптимистическое разрешение контрастных состояний, которому не мешали ни несовершенство общества, ни личной жизненный опыт, дает сочинением поэта гармоничность равновесия.

Несмотря на тот факт, что рассматриваемые переводы имеют значительный хронологический разброс, они характеризуются эпизодическим совпадением фрагментов. Здесь представляется скорее возможным говорить

не только о взаимном лексическом изоморфизме, сколько о параллелизме в организации лексического состава текстов переводов в отношении корпуса собственной романтической лирики. То есть сходство в рамках самих переводов может быть случайным или следствием заимствования, но все переводы равно ориентируются и демонстрируют более или менее явственно выраженное тождество — образы, определения и словосочетания — в отношении корпуса классических текстов испанской любовной поэзии эпохи Пушкина. Происходит процесс моделирования текста с оглядкой на *собственного* читателя, подключения стихотворения *чужого* поэта к контексту *своей* романтической поэзии, а соответственно, и к корпусу *своей* традиционной романтической лексики.

В данном случае ранние переводы — подключившие Пушкина к хорошо известному уже романтическому течению — в достаточной степени стали своеобразным *источником вдохновения* для последующих переводчиков. Характеризуя линию переводов любовной лирики Пушкина, отметим, что переводческая практика фактически не изменила свой фокус в диахронии. И этот факт оказывает определяющее воздействие на восприятие Пушкина современными переводчиками, создавая до определенной степени языковой стилистический барьер, предопределяющий и блокирующий иные потенциальные ракурсы восприятия культурой-реципиентом этого произведения, в высшей степени репрезентативного для культуры-донора.

Непереводимость лирики, о которой начали говорить практически одновременно с появлением первых прозаических переводов, выполненных главным

образом через французские переводы, переходит в условную *относительную переводимость*, базирующуюся на корпусе романтической лексики реципиента. Поэтому барьер — процент непереводаемости остается достаточно высоким, говоря не о фабуле, но о многомерности и комплексности — при всей лапидарности — мотивики.

Смысл, закладываемый автором, априори не когерентен ни смыслу, который воспринимает и передает переводчик, ни смыслу, который воспринимает в конечном итоге реципиент. В этой связи особо значимым является культурологический контекст.

В данном случае речь идет не просто о повторности или множественности, но об исключительном случае наличия почти двух десятков (известных только) переводов. Очень интересный факт выбора именно этого стихотворения для многочисленных переводов мог бы быть объяснен изначальным *узнаванием* мотивов как «своих» романтических в ситуации разработанности и неизменной разрабатываемости видимо аналогичных феноменов культурой-реципиентом.

Читатель, несущий в памяти классический литературный стиль, легко декодирует посыл переводчика, являющегося одновременно создателем (воссоздателем) и адаптером. Как мы видим, большинство переводов Пушкина, реконструируя оригинальное произведение, увековечивает *свою собственную* традицию. Получается, таким образом, что произведение иностранной литературы является объектом познания, но и одновременно — и не в меньшей степени — зеркалом, в котором рецептор (переводчик, издатель, читатель) ищет и обнаруживает свое собственное отражение.

Выводы

Переводчикам, использующим стилистические приемы испанской высокой поэзии (метафоры, аллегории, пышные барочные эпитеты и сравнения), не удастся воссоздать точность и лаконизм характеристик Пушкина, гармонию сочетания нейтрального и высокого стилей. Завышая стиль философской рефлексии поэта, переводчики тем самым усиливают, в соответствии с барочной, а затем и романтической традициями, противопоставление, контраст жизни и ее отражение в сознании индивида. Так очерчивается романтическое двоемирие.

Трудности при передаче стилистических особенностей языка Пушкина углубляются и тем, что граница высокого и низкого стилей в языках не совпадают. Анализируемые переводы в разной степени завывают стилистический тон оригинала. Наиболее высокий стиль приобретают переводы, чьи авторы абстрагировались, насколько это возможно, от основных тенденций развития современной испаноязычной поэзии, ориентировались в большей степени на образцы высокой классической любовной поэзии, стремились к максимальной точности воспроизведения формальных особенностей оригинала. Характерно, что переводчиков более всего и привлекают стихотворения Пушкина с контрастными эмоциями, особенно те из них, которые уже имели длительную историю противопоставления в испаноязычных литературах.

Используя устойчивый набор — в его романтическом варианте — лексических, риторических, структурных формул, бытующих в испанской любовной поэзии с эпохи Возрождения, переводчики *возвращаются*, если читать испанский текст *русским взором*, к символическим образом Жуковского, придавая

таинственно-мистическую окраску встрече поэта с дамой, то есть речь идет о переводческой адаптации к ценностям целевой аудитории; пример же переводов этого стихотворения как нельзя наглядней демонстрирует, что межлитературная рецепция, характер трансформаций переводного произведения в немалой степени зависит от устоявшихся

представлений. Таким образом, в переводе отражается не столько индивидуальный стиль переводчика, сколько стиль литературной эпохи: «...каждая эпоха давала переводчикам свой собственный рецепт отклонений от подлинника, причем их современникам именно в данных отклонениях и чудилось главное достоинство их перевода» [21, с. 109–110].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cancionero popular español / сост. Малиновская, Н.Р.; Гелескул, А.М. М.: Радуга, 1987. 672 с.
2. Biblioteca virtual Miguel de Cervantes. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/> (дата обращения: 29.11.2020).
3. *Espronceda, José de*. Poesías completas. Barcelona: Bruguera, 1976. 444 p.
4. Poemas editados. Gertrudis Gómez de Avellaneda. URL: <http://www.poesiagrupo.com/seleccion/editados/2002/abril2002.htm> (дата обращения: 07.01.2021).
5. *García Gutiérrez, Antonio*. Poesías. Madrid: imprenta de Boix, ed., 1840.
6. *Менендес Пидаль, Р.* Избранные произведения: Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения / сост. К.В. Цуринов, Ф.В. Кельин. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 772 с.
7. *Bécquer, Gustavo Adolfo*. El rayo de luna / Obras completas / edición especial del centenario a cargo de los catedráticos Da Ángeles Cardona de Gibert y D. Juan Alcina Franch. Barcelona Bogotá Buenos Aires Caracas México: Editorial Bruguera, S.A., 1970. P. 129–145.
8. *Kelin, Fiódor, Arconada, César M.* A.P. Kern // La literatura internacional, 2. Madrid, 1945.
9. *Feijóo, Samuel; Bulgáková, Nina*. Poetas rusos y soviéticos. La Habana, 1966.
10. *Castro Gil de, María Francisca*. Los poetas rusos del siglo XIX. Antología y traducción. Madrid, 1967.
11. *Astor, César*. Recuerdo un delicioso instante // Las mejores poesías rusas. Barcelona, 1985.
12. *Astor, César; Brey, Ignacio*. К *** // Literatura soviética. Moscú, 1, 1987.
13. *Fasla, Farid Fernández*. Recuerdo aquel maravilloso instante // Ciclo Música para tres poetas / Cultural Rioja. Logroño, Fundación Juan March, 1995.
14. *Luengo, Alonso Eduardo*. Alexandr Pushkin. Antología lírica. Madrid: Hiperión, 1999.
15. *Toledo, Víctor*. A K... URL: <https://buenosairespoetry.com/2019/11/20/pushkin-trueno-de-canon-victor-toledo-ensayo-traducciones/> (дата обращения: 07.01.2021).
16. *Gallego Ballester, Víctor*. Aleksandr Pushkin. Madrid: Gredos, 2005.
17. *Caballero Rodríguez, Alfredo*. A ***// Poemas. Alexander Pushkin / Colección Poesía del Mundo. Serie Clásicos / Selección y cotejo de Verónica Spasskaya / Ministerio del Poder Popular para la Cultura. Caracas: Fundación Editorial el perro y la rana, 2007. P. 31–32. URL: <https://escueladeruso.com/wp-content/uploads/2015/09/Pushkin-Aleksandr-Poemas.pdf> (дата обращения: 07.01.2021).
18. *Casals, Cristina*. Pushkin. Doce poemas de amor, 2008. 38 p.
19. *Buela, Mario A.* Para K... Buenos Aires, 2014. URL: <http://www.deabedulesyombues.com.ar/> (дата обращения: 07.01.2021).
20. Dedicado a ***K. URL: <https://www.laclecultural.com/poemas-a-pushkin/> (дата обращения: 07.01.2021).
21. *Чуковский, К.И.* Искусство перевода. М.-Л.: Academia, 1936. 232 с.

REFERENCES

1. *Cancionero popular español*, comp. Malinovskaya, N.R., Geleskul, A.M. Moscow, Raduga, 1987, 672 p.
2. *Biblioteca virtual Miguel de Cervantes*. Available at: <http://www.cervantesvirtual.com/> (accessed: 07.01.2021).
3. Espronceda José de. *Poesías completas*. Barcelona, Bruguera, 1976, 444 p.
4. *Poemas editados. Gertrudis Gómez de Avellaneda*. Available at: <http://www.poesiagrupo.com/seleccion/editados/2002/abril2002.htm> (accessed: 20.11.2020).
5. García Gutiérrez Antonio, *Poesías*. Madrid, imprenta de Boix, ed., 1840, pp. 37–38.
6. Menéndez Pidal R. *Izbrannye proizvedeniya: Ispanskaya literatura srednih vekov i epohi Vozrozhdeniya* [Selected Works: Spanish Literature of the Middle Ages and the Renaissance], comp. K.V. Curinov, F.V. Kelin. Moscow, Izdatelstvo inostrannoj literatury, 1961, 772 p. (In Russ.)
7. Bécquer Gustavo Adolfo. *El rayo de luna, Obras completas*, edición especial del centenario a cargo de los catedráticos Da Ángeles Cardona de Gibert y D. Juan Alcina Franch. Barcelona, Bogotá, Buenos Aires, Caracas, México, Editorial Bruguera, S.A., 1970, pp. 129–145.
8. Kelin Fiódor, Arconada César M. *A.P. Kern, La literatura internacional*, 2. Moscow, 1945.
9. Feijóo Samuel, Bulgákova Nina. *Poetas rusos y soviéticos*. La Habana, 1966.
10. Castro Gil de María Francisca. *Los poetas rusos del siglo XIX. Antología y traducción*. Madrid, 1967.
11. Astor César. *Recuerdo un delicioso instante. Las mejores poesías rusas*. Barcelona, 1985.
12. Astor César; Brey Ignacio. *K ****, Literatura soviética Moscú, 1, 1987. p. 128.
13. Fasla Farid Fernández. *Recuerdo aquel maravilloso instante. Ciclo Música para tres poetas*, Cultural Rioja, Logroño, Fundación Juan March, 1995, p. 35.
14. Luengo Alonso Eduardo, *Alexandr Pushkin*, Antología lírica. Madrid, Hiperión, 1999.
15. Toledo Victor. *A K...* Available at: <https://buenosairespoetry.com/2019/11/20/pushkin-trueno-decanon-victor-toledo-ensayo-traducciones/> (accessed: 07.01.2021).
16. Gallego Ballester Víctor. *Aleksandr Pushkin*. Madrid, Gredos, 2005.
17. Caballero Rodríguez Alfredo. *A ****, Poemas. Alexander Pushkin, *Colección Poesía del Mundo. Serie Clásicos*, Selección y cotejo de Verónica Spasskaya, Ministerio del Poder Popular para la Cultura. Caracas: Fundación Editorial el perro y la rana, 2007, pp. 31–32. Available at: <https://escueladeruso.com/wp-content/uploads/2015/09/Pushkin-Aleksandr-Poemas.pdf> (accessed: 07.01.2021).
18. Casals Cristina. *Pushkin. Doce poemas de amor*. 2008, 38 p.
19. Buela Mario A. *Para K...* Buenos Aires, 2014. Available at: <http://www.deabedulesyombues.com.ar/> (accessed: 07.01.2021).
20. *Dedicado a ***K*. Available at: <https://www.laclecultural.com/poemas-a-pushkin/> (accessed: 07.01.2021).
21. Chukovskiy K.I. *Iskusstvo perevoda* [The Art of Translation]. Moscow, Leningrad, Academia, 1936, 232 p. (In Russ.)

Жорж Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет, tk.zhorzh@mpgu.edu

Tatiana K. George, ScD in Philology, Professor, Theory and Practice of Translation and Communication Department, Moscow Pedagogical State University, tk.zhorzh@mpgu.edu

Статья поступила в редакцию 29.11.2020. Принята к публикации 26.12.2020

The paper was submitted 29.11.2020. Accepted for publication 26.12.2020